

А.В.Марков

ЖИВОПИСНОЕ И ИКОНОПИСНОЕ В «МОСКОВСКИХ СТИХАХ» С.С.АВЕРИНЦЕВА

«Московские стихи» Аверинцева, в которых история столицы и страны прочитываются в свете жития Георгия Победоносца, представляют духовные традиции московской интеллигенции как своеобразное «чистилище». Отказ от «языческих» «жертвоприношений» и страстей и осуждение репрессий представляются как предварительное условие возможности духовной жизни. В этих стихах Аверинцев реализует программу, обоснованную в его филологических изысканиях об Андрее Белом и Вячеславе Иванове. Ее идея — вписывание личных биографических обстоятельств в эсхатологическую христианскую символику как необходимую часть мировой культуры. Хотя в теоретических работах Аверинцев отдает предпочтение Иванову, но в стихах он отдает дань и эсхатологии Андрея Белого. Общим методом этих стихов оказывается переход от «живописности» к «иконописности» как к лучшему способу обозначить большие исторические события емкими символами.

Ключевые слова: Аверинцев, духовные стихи, иконопись, Георгий Победоносец, московский текст, символизм, монотеизм

В трех номерах парижского журнала «Вестник Русского христианского движения» [1-3] были опубликованы стихи С.С.Аверинцева, связанные общими образами Москвы как места духовной битвы и тайного исповедания веры. Композиционно эта тройная публикация следует схеме дантовской «Комедии»: «Молитва на Кремлевском холме» и «У сердца крещеного края» представляют историю посягательства адской бездны на Москву, «Московские стихи» второй подборки утверждают восстановление Москвы как святого города и бессилие ада, а «Стихи об имени Иисусовом» воспевают тайных московских исихастов как райских людей, необходимых всей мировой истории исихазма. Автобиографические черты больше всего проступают во второй части цикла [2], где упоминается урочище Чертолье (Волхонка и Пречистенка) и Пречистенские ворота, места детства автора — это был исторический путь в Новодевичий монастырь, где похоронен важный для мысли Аверинцева философ Владимир Соловьев, к иконе Пречистой — само слово Пречистенская улица и Пречистенские ворота вместо Чертолье, вероятно, утверждено царем Алексеем Михайловичем, часто совершавшим такое паломничество к иконе.

При этом первое стихотворение этой части, «Св. Георгий», не вполне ясное: конечно, описывается герб Москвы, упоминаются некоторые обычаи Москвы, такие как выгон стада 23 апреля, на день святого Георгия. Но не прозрачна символика: копьё у святого в руке или меч, почему у него «болезный лик» и почему он завещает всем «крепость юной жизни» — даже если предположить, что меч — традиционный атрибут мученика (хотя встречаются иконописные изображения Георгия с мечом), а болезный лик — способ представить себе мученика, страдающего человека как на картине, всё равно, не вполне ясно, как соотнести иконописное и картинное изображения юного (безбородого) святого Георгия. Еще менее ясен сюжет второго стихотворения: вполне можно представить, что речь в ней о крестном ходе весной, вероятно, на Пасху, судя потому что птицы реют над крестами, то есть вернулись перелетные птицы, в котором в советское время из-за страха перед гонениями участвуют только пожилые люди и дети, а не люди средних лет, не «средовеки» «в поре ума», но почему мы не встречаем никаких других пасхальных указаний в тексте? Внимательное чтение «Московских стихов» позволит ответить и на эти, и на другие вопросы.

1

Св. Георгий

Тайнодействие Господня перста:

Вложено копьё, но длань отверста.

Так на Змия ты воздвигнул руки,

Зрак умыв слезой, обручник муки.

Яро блещет меч над черной бездной,

Но меча светлее — лик болезный.

Люду радость и стадам отрада,

Отогнав от домов наших гада,

Ратный труд скончав без укоризны,

Предаешь всю крепость юной жизни

На терзанье катовым клеветам, —

Граду знаком явлен и заветом.

2

Стар да мал
Не в поре ума, не средовеки —
Стар да мал здесь Божьи человеки.
Тихо птицы над крестами реют.
Адовы врата не одолеют.
Хамово да катово Чертолье —
Ко Пречистой путь на богомолье.
На закате златом главы рдеют.
Адовы врата не одолеют.
Все дела истают и престанут.
Старый с малым плакать не устанут.
Зрит дитя — мужи не разумеют:
Адовы врата не одолеют.

В первом стихотворении описывается тип Георгия-Змеборца, представленный новгородскими иконами, одна из которых (начало XV в.) известна как часть собрания Государственной Третьяковской галереи, другая — как часть собрания петербургского Русского музея. В правом верхнем углу этого иконописного типа — благословляющий перст Господень, в правом нижнем — черная бездна. Также всегда в этих изображениях бросается в глаза иконографическая условность: копьё не сжато в кулаке, а как будто придерживается пальцами, так что ладонь развернута к зрителю. Особенностью иконы из Третьяковской галереи является то, что копьё и оказывается одновременно знаменем, на древке укреплен реющий флаг. Таким образом, достоверное описание сюжета иконы, простого канона, где нет ни башни, ни царевны, а только всадник и змей, оказывается поводом сказать о природе знака.

Знак оказывается двойным: это жест ладони, умение дать знак ладонью, и это копьё, где «знак» понимается буквально, как «знамя», в соответствии с греческой и латинской этимологией. Получается, что картинный жест может быть считан читателем, но он оказывается встроен в иконописный канон, в средневековое отождествление знака, знамени и знаменья, которое было основой средневековых исследований Аверинцева и его герменевтики [4, с. 122-123], и чтобы понять стихотворение, нужно понять это средневековое отношение к знаку не как к отдельному театральному жесту, а как к части более сложной повествовательной канвы, где житие состоит из знамений и их исполнений. Тем самым, в стихотворении сообщается, что история не кончается, но ее содержание и не исчерпывается эффектными догадками и соответствующими эмоциональными жестами, но требует наблюдения, как за предвестиями и признаками возможно дальнейшее развертывание событий.

Двойственность смысла «знака» сказывается и далее, в выражении «воздвигнул руки». В картинном смысле это означает просто бросил вызов или пошел войной, яркий эмоциональный жест, невольно заставляющий вспомнить дерзкое сближение Аверинцева с Высоцким у С.Г.Бочарова [5, с. 22]. Но в мире Библии и иконописи воздвигнуть руки можно как Иисус Навин, повелевая солнцем и предвещая победу, обращая молитвенное стояние в победное действие. Поэтому Георгий Победоносец уже становится победителем, уже когда бросил вызов змею, что подтверждается уже не общими соображениями о библейском словоупотреблении, но композицией рассматриваемого иконописного типа. Георгий на иконе держит одной рукой острое копьё, а другой рукой узды, укрощая лошадь. Если мы продолжим метонимию знака, от жеста к качеству самого исторического развития, то получится, что Георгий соединяет прямоту и твердость истины с кротостью смиренной милости. Здесь Аверинцев обращает нас к финалу последнего стихотворения первой «адской» части цикла: «да сретятся истина и милость, / и земля наша даст плод свой».

Иначе говоря, перед нами обращение к празднику святого Георгия, 23 апреля, как началу сельскохозяйственного сезона, который должен оказаться плодотворным. Но также слова о встрече истины и милости — это цитата из Псалма (Пс. 84, 11), посвященного прощению народа после многих прегрешений, иначе говоря, о том, что восстановление нормальной жизни возможно. Здесь становится понятна и слеза Георгия, как предстоятеля за кающихся жителей города. Вполне возможно предположить здесь и отсылку к «Золотой Легенде» Иакова Ворагинского, где сообщается, что Георгия пытали, раздирая железными крючьями, а потом обливали соленой водой. Тогда это можно понять как метафору скорби и горечи, но опять же переключив из «картинного» регистра в «иконописный» понять эту горечь не как эмоцию, но как скорбь всей жизни, солёность житейского моря, в преддверии будущей жизни.

Поэтому также слеза и омытый ей зрак — явная отсылка к Откровению Иоанна Богослова, где говорится о жизни праведников уже в новом граде, в новом Иерусалиме, что «отрет Бог всякую слезу с очей их» (Откр. 21, 4). Здесь еще может быть важен один подтекст, который позволяет перейти от наблюдений над жизнью в современной Москве к образу будущего города, которым правит божественная воля. В заключении памфлета «Особое чествование Пушкина» Вл. Соловьев [6, с. 440] обвинил молодых символистов и декадентов, прежде всего В.В.Розанова и Д.С.Мережковского, в желании «сбросить “белеющуюся Ветилую” нашего несравненного поэта в темную и удушливую расщелину Пифона». Так Соловьев видел ницшеанские увлечения этих авторов и стремление подчеркнуть в Пушкине не только аполлинические, но и дионисийские мотивы. Соловьев, конечно,

отсылает к эпиграмме Пушкина об Аполлоне, Пифоне и Митрофане «Лук звенит, стрела трепещет...», тогда как Аверинцев, когда читал Пушкина для советского центрального телевидения в 1988 году (программа «Минуты поэзии» Главной редакции литературно-драматических программ), начал с фрагмента о Ветилуе «Притек сатрап к ущельям горным...» из стихотворения «Когда владыка ассирийский...», в комментарии объяснив пояс узорный стены как образ неприступного девства, неприступности града, а значит и невинности как жизни с Богом. Тогда получается, что если Ветилуя может считаться ветхозаветным прообразом небесного Иерусалима, то солнечный Аполлон змеборец — прообразом святого Георгия, но такие параллели можно выстроить, только если иметь в виду полемический задор позднего Вл. Соловьева, размышлявшего об антихристе и видевшего в потакании порочным страстям знак антихриста.

Выражение «Яро блещет меч» — является явной отсылкой к «Повести о Светомире Царевиче» Вяч. Иванова, где Василиса видит Георгия во сне, как он «копье лучевидное в руке держит» [7, с. 9] и пронзает ее, прибывая к земле, что значит, что у нее родится ребенок на день Георгия Вешнего, 23 апреля по старому стилю. Тогда «лик болезный» может пониматься и как предродовое состояние («болезновать» по-церковнославянски означает испытывать родовые схватки), и как стремление Аверинцева соотнести историю Москвы и образ святого Георгия с его собственной биографией. В статье о Вячеславе Иванове Аверинцев критиковал слишком частный и капризный личный миф Андрея Белого, лежащий в основе поэмы «Первое свиданье», юношескую влюбленность в Морозову (Зарину), превращенную вообще в миф об эпохе, и противопоставлял этому подход Вячеслава Иванова, который возвел личные биографические подробности, как рождение в Георгиевском переулке, к более общим правилам составления легендарного рассказа, укорененным в многовековой традиции, что переулок и церковь Георгия превратились в повести в «урочище Егорьево» и «Егорьев ключ» [8, с. 181]. Таким образом, Андрей Белый был для Аверинцева скорее отрицательным примером мифологизатора Серебряного века, тогда как Вячеслав Иванов оказывался профессионалом, способным вписать в том числе личный эстетический и творческий опыт в историю всей христианской культуры.

В этом «урочище» Василиса испила воды от ключа, которая помогла ей забеременеть, по сути сказочный ключ вечной молодости, причем она успела вернуться домой «до грозы», чтобы зачатие было не от грозы и бури, а земное, от ее супруга Давида. У престарелых супругов родился первенец, что следует и биографии Вяч. Иванова: когда он родился, отцу было 50, а матери — 43, и биографии Аверинцева, тоже родившегося у очень немолодых родителей. Но такая образность отвечает, не только русской, но и мировой культуре в ее отношении к личности великомученика Георгия: на ближнем и среднем Востоке, особенно в исламском мире, но также в Грузии, Георгий очень почитался как мученик, подвергнутый самым невыносимым, смертельным мучениям, но после каждого мучения на следующий день бывшего столь же юным, с исцелившимися ранами, почему и считается, что ближневосточные культы Георгия вобрали в себя образы весенних умирающих и воскресающих божеств, и московская весна святого Георгия оказывается тем самым частью мировой культуры.

По календарю получается, что Василиса успела вернуться домой до июльской грозы, если она разрешается от бремени на Георгия. Но именно июлем может быть датировано описанное в поэме «Первое свидание» паломничество в Новодевичий монастырь Андрея Белого и Сергея Соловьева, племянника философа, судя по знойному пейзажу: «Из перегаров красных трав / В золотокарей пыли летней» [9, с. 29]. Это было не единственное паломничество в Новодевичий на могилу Владимира Соловьева: так, А.А.Блок в дневниковой записи от 12 января 1904 года вспоминал о своей поездке вместе с этими двумя молодыми людьми: «Утром приходит Сережа. Мы втроем едем на конке в Новодевичий монастырь. Сережа кричит на всю конку, скандалит, говоря о воскресении нескольких мертвых на днях, о том, что антихрист двинул войска из Бельгии. Говорим по-гречески. Все с удивлением смотрят. Яркое солнце». Тема Бельгии в речи Сергея Михайловича Соловьева, ехавшего на могилу написавшего «Три разговора» дяди, вероятно, появилась из-за того, что конно-железные дороги в Москве строило Бельгийское акционерное общество, хотя к 1904 году они были с большим трудом выкуплены городской думой.

Паломничество из поэмы «Первое свидание» во многом лежит в основе второго «московского» стихотворения Аверинцева, объясняя такие образы, как рдеющие купола. В поэме Андрея Белого атмосфера летнего дня передается яркими цветовыми метафорами, в частности: «Огромный розовый собор / Подъемлет купол златозор». В этом эпизоде монастырь оказывается местом головокружения, в котором небо и луг меняются местами, отражение неба в пруду напоминает о райских травах как бы в небе: «Забирюзевший легкий пруд, / Переливаясь в изумруд, / Дробим зеркальною волной (...) Там небо бледное, упав, / Перетянулось в пояс трав; / Там бездна — вверх, и бездна — вниз: / Из бледных воздушов и риз» [9, с. 30]. В последней строке неожиданно используется омонимия слова «воздух» (с церковнославянским ударением «воздух»): не только окружающий нас воздух, но и парчовое покрывало, предохраняющее святые Дары от попадания насекомых, из того же материала, что и церковные ризы. При всем упреке со стороны Аверинцева Андрею Белому в капризности и индивидуализме, в противоположность вниманию Вячеслава Иванова к христианским и вообще монотеистическим символам, Аверинцев не мог здесь не заметить такого же перехода от знака к знамению, от природного воздуха к литургии и от защиты Даров к защите всего города Москвы. Тогда сюжет эпизода таков: обморок, выраженный метафорой бледности и метонимическим переносом ее на «небо», оказывается одновременно поводом увидеть церковность не только в храме, с медлительным чинным богослужением в ризах, но и во всей природе, под куполом неба.

Такой переход от тогдашней Москвы к апокалиптическим размышлениям о Новом Граде подтверждается предшествующими строками, о пути (вероятно, на той самой бельгийской конке, раз быстро «Проходит клиник белый рой») на Девичье поле: «Проснется зов: “Воанергес!” / Пахнёт: Иоанном Богословом» [9, с. 29] — предгрозовое небо и соответствующее усиление цветочных запахов напоминает об Иоанне Богослове, «Сыне Грома» (по-арамейски «Воанергес»), и тогда опознание природных явлений (цветы перед грозой сильнее пахнут) оказывается опознанием апокалиптических явлений, нового неба и новой земли. При этом сам крест над могилой Вл.С.Соловьева появляется в поэме Андрея Белого именно на закате, после мемуарного очерка о философе: «В монастыре, в волнах заката, — / Рукопростертый, белый крест» [9, с. 39], что может говорить скорее о той самой зимней поездке с апокалиптическими разговорами, когда не успели приехать, как уже смеркается, а «волны» напоминают о горести житейского моря. Таким образом, предгрозовая атмосфера позволяет соединить «Первое свидание» и «Повесть о Светомире Царевиче» как две московские автобиографические поэмы, относящиеся к детству как времени «неосознанной благодати» [10, с. 197].

Если в «Первом свидании» крест над могилой Соловьева предвещал эсхатологические размышления, то в «Повести» Иванова крест означает просто победу над язычеством: престарелые супружницы срубают дуб и посвящают его Георгию, делают крест с иконой Георгия [7, с. 10]. И здесь важно, что с Чертольем связывался культ Перуна, то есть грозового разряда и почитания дуба как дерева грозы и дерева мертвых, дерева человеческих жертвоприношений (поэтому «Хамово и катово Чертолье» — где ложная вера и где казни, что для Аверинцева, родившегося в 1937 году, было реальностью его истории), и тогда сюжет «Повести» будет прочитан так, что Василиса смогла вернуться домой до языческой грозы и создать полноценную семью с ребенком как домашнюю церковь — в чём Аверинцев не мог не увидеть своего собственного биографического опыта домашнего исповедания христианства в атеистическом государстве. Тогда сюжет второй части оказывается не только сюжетом исповедания веры в условиях гонений, но и сюжетом связи времен, кто был ребенком в Серебряном веке (а Аверинцев считал себя таким, потому что его престарелый отец был сверстником деятелей Серебряного века), тот и доживет до конца гонений на христианство и до союза милости и истины.

Именно этот союз милости и истины объясняет одну странность в третьей части цикла, «Стихи о имени Иисусовом», в которой Иисусова молитва характеризуется в том числе как «труд молитвенника в келье, / вопль смертника на плахе!» Представить, что Иисусова молитва — последние слова приговоренного к смерти — трудно, но представить, что это означает весть о будущем помиловании, по той самой логике иконописной метонимии, где призывание Бога есть и норма молитвы, услышанной Богом, и вмешательство воли Божией, уже легче. Тем более, что первые строки этих «Стихов»: «Имя меж всеми именами / всякого имени превыше» читаются и как полудитата из Пс. 81, 1: «Встал Бог в сонме богов», иначе говоря среди царей и правителей, претендовавших на обожествление, и воспретил им совершать несправедный суд. Тогда имя Божие — это конец несправедного суда, и страдания святого Георгия и смертника на плахе — это те образы скорбных страданий, которые нужно понимать не «картинно», а «иконно», как образы, предвещающие будущий век. Дальше в стихотворении описывается уже не драма богоискательства, а выживание литургической традиции отца Сергия и Алексия Мечёвых («светлость церкви Маросейской») и исихастской традиции как уже строго «иконнописных», где слово уже принадлежит чистому присутствию Божества, поддерживающего меру милости и истины:

Слово и другое слово —
крыла Херувимов во Храме:
слово от слова ложится
не близко и не далеко;
от одного до другого —
молчание, отмерено мерой;
а между ними почивает
непостижимая Шехина.

Таким образом, хотя Аверинцев ориентировался на пример Вячеслава Иванова и его пример вписывания личной истории в большую культуру мирового монотеизма, для выражения эсхатологических моментов, которые отличали жизнь московской интеллигенции в советское время, он должен был обратиться и к опыту Андрея Белого. В целом его «Московские стихи» представляют собой опыт иконописного прочтения тех аффектов, которые мы привыкли считать живописно, а календарные и мифологические образы, неизбежные в поэзии, оказываются подчинены одному более масштабному образу исповедания веры.

1. Аверинцев С.С. Молитва на Кремлевском холме. «У сердца крещеного края...» // Вестник Русского христианского движения. 1990. Т. 158. № 1. С. 202-204.
2. Аверинцев С.С. Московские стихи // Вестник Русского христианского движения. 1991. Т. 162-163. № 2-3. С. 177.
3. Аверинцев С.С. Стихи о имени Иисусовом // Вестник Русского христианского движения. 1992. Т. 164. № 1. С. 155-157.
4. Балакшина Ю.В. Герменевтика С.С.Аверинцева: истоки, принципы, своеобразие // Вестник СФИ. 2019. Т. 32. С. 110-127.
5. Бочаров С. Аверинцев в нашей истории // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 19-24.

6. Соловьев Вл.С. Особое чествование Пушкина // Вестник Европы. 1899. № 7. С. 432-440.
7. Иванов Вячеслав. Повесть о Светомире Царевиче. М.: Наука, 2015. 824 с.
8. Аверинцев С.С. Поэты. М.: Языки русской культуры, 1996. 364 с.
9. Белый Андрей. Первое свидание. Пг.: Алконост, 1921. 72 с.
10. Иванюшкин И.А. С.С.Аверинцев: философ, поэт и богослов // Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон — Валаам — Задонск — Оптина Пустынь — Соловки). Липецк, 2019. С. 196-198.

References

1. Averintsev S.S. Molitva na Kremlevskom kholme. "U serdtsa kreshchenogo kraya..." [Prayer on the Kremlin hill. "At the heart of the baptized land ..."]. Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya, 1990, vol. 158, no. 1, pp. 202-204.
2. Averintsev S.S. Moskovskie stikhi [Moscow verses]. Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya, 1991, vol. 162-163, no. 2-3, pp. 177.
3. Averintsev S.S. Stikhi o imeni Iisusovom [Poems on the Name of Jesus]. Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya, 1992, vol. 164, no. 1, pp. 155-157.
4. Balakshina Yu.V. Germenevtika S.S.Averintseva: istoki, printsipy, svoeobrazie [Hermeneutics of the S. S. Averintsev: sources, principles, originality]. Vestnik SFI, 2019, vol. 32, pp. 110-127.
5. Bocharov S. Averintsev v nashey istorii [Averintsev in our history]. Voprosy literatury, 2004, no. 6, pp. 19-24.
6. Solov'ev V.I.S. Osoboe chestvovanie Pushkina [Special celebration of Pushkin]. Vestnik Evropy, 1899, no. 7, pp. 432-440.
7. Ivanov Vyacheslav. Povest' o Svetomire Tsareviche [The Story of Svetomir Tsarevich]. Moscow, 2015. 824 p.
8. Averintsev S.S. Poety [Poets]. Moscow, 1996. 364 p.
9. Belyy Andrey. Pervoe svidanie [First Meeting]. Petrograd, 1921. 72 p.
10. Ivanyushkin I.A. S.S.Averintsev: filosof, poet i bogoslov [S.S.Averintsev: philosopher, poet and theologian]. In: Svyatitel' Tikhon Zadonskiy na perekrestke traditsiy (Afon — Valaam — Zadonsk — Optina Pustyn' — Solovki). Lipetsk, 2019, pp. 196-198.

Markov A.V. Picturesque and iconographic in "Moscow verses" by S.S.Averintsev. Averintsev's "Moscow poems" in which the history of the capital and the country is read in the light of the life of St. George, represent the spiritual traditions of the Moscow intelligentsia as "purgatory", as the rejection of pagan sacrifices and vices and the condemnation of state terror as a precondition for spiritual life. In these verses, Averintsev implements a program based on his philological research on Andrei Bely and Vyacheslav Ivanov, on incorporating personal biographical circumstances into eschatological Christian symbolism as a necessary part of world culture. Although in theoretical works Averintsev prefers Ivanov, in poetry pays tribute to the eschatology of Andrei Bely. The general movement of these verses is the transition from "pictoriality" to "iconography" as the best way to designate great historical events through capacious symbols.

Keywords: S.S.Averintsev, spiritual verses, icon painting, George the Victorious, Moscow text, symbolism, monotheism.

Сведения об авторе. Александр Викторович Марков — доктор филол. наук, профессор, ФГБОУ ВО Российский государственный гуманитарный университет; ORCID ID: 0000-0001-6874-1073; markovius@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.05.2020. Принята к публикации 15.05.2020.